

УДК 2-1
ББК 86.2
Т53

Составление, вступительные статьи,
послесловие и комментарии Г. С. Абрамян
Оформление переплета *Виктории Брагиной*

Толстой, Лев Николаевич.
Т53 (Не)запрещенное цензурой. О Боге, религии, церкви / Лев Толстой. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Лев Толстой. Избранные труды).

ISBN 978-5-04-095752-1

Лев Толстой — один из наиболее известных русских писателей и мыслителей и одна из самых противоречивых личностей по объему и полярности вызываемых споров. Контраст его натуры породил и яркую контрастность критики. Более 100 лет горячие споры вокруг Толстого не утихают, а сейчас их актуальность порой просто пугающая. Просветитель, публицист, религиозный мыслитель, чье авторитетное мнение послужило причиной возникновения нового религиозно-нравственного течения — толстовства, член-корреспондент Императорской Академии наук, номинирован на Нобелевскую премию по литературе и... отлучен от Русской Православной Церкви. В этой книге собраны самые яркие и полемические труды Льва Толстого о Боге, религии и церкви, позволяющие понять, почему это произошло. Эти труды вот уже более столетия продолжают будоражить умы и актуальны сегодня как никогда: «Исповедь», «Христианство и патриотизм» (выдержки), «В чем моя вера?» Работы Толстого сопровождаются комментариями, позволяющими лучше понять смысл этих эпохальных произведений и внутренний мир гения, мечущегося в поиске духовной основы жизни человека.

УДК 2-1
ББК 86.2

© Абрамян Г.С., составление, вступительные статьи,
послесловие и комментарии, 2018
ISBN 978-5-04-095752-1 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Содержание

Исповедь мученика Любви	7
Лев Толстой в зеркале русской критики	10
Великий перелом.....	16
ИСПОВЕДЬ	29
Мученик любви	31
Исповедь (Вступление к ненапечатанному сочинению).....	36
I	36
II	41
III.....	47
IV.....	53
V	60
VI.....	68
VII	78
VIII.....	85
IX.....	88
X	95
XI.....	100
XII	104
XIII.....	111
XIV.....	117

XV.....	121
XVI.....	126
Запрещенное цензурой. Отрывки из статьи «Христианство и патриотизм».....	132
В ЧЕМ МОЯ ВЕРА.....	145
«Казнить нельзя помиловать».....	147
В чем моя вера?.....	150
I.....	153
II.....	164
III.....	171
IV.....	189
V.....	200
VI.....	219
VII.....	260
VIII.....	280
IX.....	309
X.....	323
XI.....	357
XII.....	391
Послесловие.....	410
Библиография.....	413

Исповедь мученика Любви

Чем ближе люди к истине, тем они
терпимее к чужим заблуждениям.

И наоборот.

Л. Н. Толстой

Л. Н. Толстой не только один из великих художников русской и мировой литературы, но один из величайших религиозных мыслителей конца XIX — начала XX веков. Трудно найти область его творчества, которая не становилась предметом исследования литературоведов, искусствоведов, философов, педагогов и т. д. Тем не менее религиозные взгляды Толстого в нашей стране долгое время оставались практически неизученными. Авторы существующих работ в основном рассматривали религиозные воззрения Толстого в связи с теми произведениями, где эта тема была доминирующей — «Воскресение», «Смерть Ивана Ильича» и некоторых других. В то же время вне пределов исследования оставались работы, которые вызывали некоторое «неудобство», тем не менее именно они дают очень многое для

осмысления произошедшего в 70-е годы перелома в мировоззрении Толстого. Неудобство это вызвано не только запретом цензурой некоторых произведений Льва Николаевича, что в условиях реакции 80-х гг. и времени правления Александра III было вполне ожидаемым, особенно после появления в 1884 году книгоиздательства «Посредник», основателем и идейным вдохновителем которого был сам Л. Н. Толстой, но и по причине их дискуссионной, и даже болезненной темы¹.

Приняв христианское учение в его сути, Толстой выступил против официальной Церкви как государственного института. Такая позиция отчетливо видна во многих религиозно-философских произведениях этого периода. В них же можно найти истоки тех идей, которые затем были реализованы в «Смерти Ивана Ильича», «Отце Сергии», «Воскресении», «Власти тьмы», «После бала», «Крейцеровой сонате» и др., и именно по ним можно судить о развитии религиозной мысли Толстого.

Общественная жизнь второй половины XIX века в России бурлила противоречиями русского духа: муками между верой и неверием, глубокими «антиномиями ума и сердца», поисками смысла жизни, идеями о спасении всего человечества, вызванными отчасти и социально-политическими условиями. Этот период ознаменовался об-

¹ В частности, цензуре были подвергнуты рассказ Толстого «Три старца» и статья «Христианство и патриотизм», написанная в 1893–1894 гг. В печати эта статья появилась только в 1906 г. в издании Н. Е. Фельтена, за что он был привлечен к судебной ответственности. Статьи «Исповедь» и «В чем моя вера?» также были запрещены до 1905 г.

ращением многих активных общественных деятелей к религии и философии. Секуляризм занимает одно из центральных мест в русской общественной мысли. Возможно, именно эта «светскость» русского религиозно-философского поиска привела к появлению разных, а иногда и взаимоисключающих философских течений. Даже радикалы с их народовольческим движением, которые занимали главенствующую позицию на социальной арене во второй половине позапрошлого столетия, не обошлись без религиозного влияния. По замечанию академика А. Панченко: «Молодежь, начавшая в 70-е годы “хождение в народ”, одушевлялась и бунтарством, и Евангелием». Что касается чисто религиозного мышления, то оно, как пишет В. Розанов еще в 1905 году, «в пределах схемы христианской, давно представляет собой иссохшую мумию в драгоценном саркофаге, о которой никто не заметил даже момента, когда же именно она перестала жить и дышать. Всегда она была одна и та же, всегда страшилась изменить свои черты; всегда считала себя “истинною”. И никто не заметил времени, когда эта “истина” с недвижными чертами перестала быть кому-нибудь нужною и занимательною» (18, с. 348). Вполне естественно, что в этих условиях каждый представитель общественной мысли искал свой путь, свое понимание истины. Но, наверное, ни один мыслитель того времени не вызывал в общественных кругах того резонанса, который вызвали идеи Льва Толстого. Его поиски истины не укладываются в рамки богословских догматов, и, тем более, не смыкаются с представлениями радикалов. Его литературное творчество тесно соседствует с религиозными, философскими, этическими и эстетическими

поисками. Диапазон оценок Толстого как писателя-философа в литературной, философской и богословской критике весьма широк, а выводы далеко не однозначны и противоречивы.

Лев Толстой в зеркале русской критики

В марте 1908 года Л. Н. Толстой работал над улучшением второго издания своего «Круга чтения». Мысли и изречения, вошедшие в него, собирались автором на протяжении нескольких десятилетий и расположены им по календарным дням с 1 января по 31 декабря. На 2 сентября Толстой записал: «Чем ближе люди к истине, тем они терпимее к чужим заблуждениям. И наоборот» (4, т. 2, с. 8). Эта мысль может служить эпиграфом ко всему тому, что писала беспощадная критика о моралисте, философе, художнике и христианине Толстом. С этой позиции мы и предлагаем рассматривать все pro и contra, вызванные сложными, а иногда и двойственными воззрениями Толстого. С ним можно спорить, можно соглашаться, но в одном ему отказать нельзя. «Репутация плохого мыслителя» незаслуженно закрепилась за автором «Войны и мира», а между тем «Гр. Толстой во всех своих доводах опирается единственно на разум и логические доказательства» (10, с. 57). Так писал один из исследователей творчества Толстого Н. Михайловский в статье «Десница и шуйца Льва Толстого», и у нас нет оснований не согласиться с ним. Заканчивая свою статью, Н. Михайловский убеждает читателя в необходимости «признать, что это — мыс-

литель честный и сильный, которому довериться можно, которого уважать должно. Самые противоречия такого человека способны вызвать в читателе ряд плодотворных мыслей» (10, с. 134).

Итак, несмотря на глубокие противоречия, а может быть, именно благодаря им, Толстой как мыслитель достоин глубокого уважения хотя бы потому, что не испугался самого сложного, самого честного на пути к истине — спора с самим собой.

Упомянув об оценке критики религиозных воззрений Толстого, нельзя обойти вниманием русского писателя, философа, в чьих статьях о религии и церкви Толстому уделено немало внимания. Речь идет о Василии Васильевиче Розанове. Статья «Л. Толстой и Русская Церковь», как отмечает сам автор в предисловии, была написана для французского журнала «Revue contemporaine» и ориентирована на западноевропейского читателя. Основной ее тезис состоит в следующем: Толстой и Русская Церковь разошлись по причине непонимания и даже незнания друг друга. Говоря о русском духовенстве, Розанов отделяет его от всего русского общества, от России. В его интерпретации Русская Церковь является институтом совершенно отдельным, замкнутым. Члены этого института заняты проблемами внутреннего характера, т. е. отношением со светской властью, «экономическим своим обеспечением или, вернее, полной необеспеченностью» (19, с. 365), внутренними раздорами; так что талант великого писателя, его глубокие нравственные и философские поиски явились для духовенства только «вздором и баловством барской души». Это — непонимание со стороны

духовенства. Стараясь быть объективным, Розанов рассматривает и сторону Толстого. Автор статьи отмечает, что «темнота и корыстолюбие», «мелкая бытовая неряшливость», «непрямота в отношении к богатым людям» и «равнодушие к нравственному состоянию народа» — все эти «мелкие специфические личные недостатки и пороки» Русской Церкви не могли остаться незамеченными для Толстого. И тем не менее в любвеобильной Русской Церкви звучат молитвы о доброте и прощении, а «духовное настроение полно нежности, деликатности, глубокого участия к людям». Эти основные противоречия Русской Церкви обострились к концу XIX века, следствием чего, очевидно, явилось возникновение и развитие секуляризма в России. Эти же противоречия глубоко вошли и в светскую жизнь, где «не плоть, а дух разлился», и где каждый «свет обретши, ропщет и бунтует»¹. Возможно, такое общество было более восприимчивым к появлению новых теорий и толстовская идея непротравления, его «новая мораль» если не были приняты полностью, то, по крайней мере, нашли в нем определенный отклик. Далее Розанов пишет: «Бывали случаи в России, что темный человек зарежет на дороге путника; обшаривая его карманы, найдет в них колбасу, тогда он ни за что не откусит от нее куска, если даже очень голоден, если убийство случилось в постный день, когда церковью запрещено употребление мяса. Это ужасный случай, но он действителен» (19, с. 359).

¹ Цит. стихотворение Ф. Тютчева «Наш век» (Не плоть, а дух разлился в наши дни).

Но самую главную «великую задачу» русского духовенства и Церкви — «выработку святого человека, самого типа святости» — по мнению Розанова, Толстой «просмотрел». Образ русского святого, «божьего человека», ушедшего в тишину пещеры или шалаша, терпящего голод, холод, нужду, затем духовно очищенного и возвратившегося с Богом в душе, особенно близок и мил Розанову. Именно в воспитании стремления к святости у русского человека видит он основную функцию русского православия. Этот святой дан русской Церковью, церковным духом, церковными молитвами о доброте, кротости, примирении всех людей, прощении обид, неосуждении ближнего и т. д. Словом, он явился воплощением всего лучшего, что несло в себе русское православие. Вернувшись из уединения, русский святой или странствует, или поселяется вблизи монастыря, но, как пишет сам автор, никогда в самом монастыре.

Что касается Толстого, то как раз, критикуя официальное духовенство, он не только не «просмотрел» русских святых, но проникся глубоким уважением и симпатией к таким «божьим людям», странникам и богомолам, о чем свидетельствует личная переписка и дневниковые записи писателя.

Однако, несмотря на попытку объективного анализа взглядов писателя, Розанов тем не менее вносит большую долю субъективности. Он высоко оценивал духовную основу Церкви и, увлекшись определением своего отношения к внутреннему и внешнему ее проявлению, «просмотрел» главное в неприятии Толстым этого института. Отношение Толстого к Церкви выразилось не только и не

столько в критике пышных церковных служб и властолюбия духовенства, сколько в осуждении страшных противоречий между нравственными проповедями и фактическим проявлением нравственности ревнителями православной веры, их фарисейством.

Деятельность Льва Толстого не оставила равнодушным и великого русского философа Николая Бердяева. Если опустить его эмоциональность и политическую ангажированность, большую долю субъективизма, категоричность и жесткость оценок, четко проступающую личную обиду периода 1918–1920 гг., когда он обвинял писателя во всех грехах русской революции, то уже в 1946 г. менее эмоционально и более взвешенно в книге «Русская идея» Н. Бердяев допускает возможность духовной основы у Толстого, а также нетерпимость всякого насилия. Философ считает, что, несмотря на отличие Толстого от проповедников западного христианства и некоторой близости к буддизму, все же «русская человечность ему очень свойственна... толстовское учение о непротивлении, толстовское отрицание насилий истории могло возникнуть лишь на русской духовной почве» (11, с. 125). Если в 1918 году критик противопоставлял Толстого-художника Толстому-мыслителю и моралисту, то в 1946-м автор выступает против своего же противопоставления. Несомненно, писатель Толстой в гениальной художественной форме выразил религиозные, философские и нравственные идеи Толстого-моралиста. Причем идеи эти возникли не вдруг, в момент перелома его мировоззрения, а постепенно накапливаясь, отражались уже в ранних произведениях. Это справедливо замечает и Н. Бердяев: «Основные толстовские мотивы и

идеи можно уже найти в ранней повести “Казак”, в “Войне и мире” и “Анне Карениной”. Там уже утверждалась правда первичной народной жизни и ложь цивилизации, на которой покоится жизнь нашего общества» (12, с. 9). Вся глубина толстовского мышления, вся сила его анархизма в том, что он решился противопоставить «Царство Божие» «царству кесаря», закон Бога закону мира. Всей силой своего духа он восставал против смешения теоретического признания евангельских основ и полного пренебрежения ими в практической жизни, «... и это делает ему великую честь, хотя бы его религиозная философия была слабой, его учение практически неосуществимым» (12, с. 99). В сборнике «Из глубины» в 1918 году Н. Бердяев писал, что грех и покаяние были неизвестны Толстому. Это отчуждало его от христианства и делало чуть ли не врагом православия. В «Русской идее» автор придерживается почти противоположного мнения: Толстому не только знакомы греховность и склонность к покаянию, потребность в самоисправлении, но это осознание он получил от православия. Даже нигилизм его суть православная основа. И, наконец, завершая описание пути Толстого в «Русской идее», Н. Бердяев говорит не о «преодолении» толстовских взглядов, а, напротив, призывает узнавать и изучать его. «Отказаться от Льва Толстого значило отказаться от русского гения, в конце концов отказаться от русского призвания в мире» (12, с. 125). Впрочем, это не значит, что автор принимает всю религиозно-философскую систему Льва Николаевича, но иллюстрирует потребность в изучении толстовских идей и места, которое они по праву должны занять в истории христианства.

Таков краткий обзор наиболее значительных, на наш взгляд, критических работ русских мыслителей-классиков, затрагивающих религиозную философию Толстого.

Великий перелом

Россия в 70-е годы XIX столетия представляла собой пеструю арену борьбы социально-политических движений: от призыва к революции, т. е. к убийству одних ради счастья других, до богоискательства и защиты догматов Церкви. В сложившейся ситуации была неизбежна реакция Толстого как писателя и глубокого мыслителя. Истоки перелома, произошедшего в его мировоззрении в конце 70-х, были заложены еще в юности: «1844. Мая 29. Экзамены по “закону Божию” в Казанский университет на восточный факультет. Перед экзаменом Толстой, гуляя по Черному озеру, заучивая тексты катехизиса, молился о том, чтобы выдержать экзамен и ясно сознает, что “весь катехизис этот — ложь”»¹ (6, с. 18). Тем не менее, по выражению М. М. Бахтина, «этот перелом нельзя понимать только как событие личной жизни Л. Толстого: перелом был подготовлен и стимулирован теми сложными социально-экономическими и идеологическими процессами, которые совершались в русской общественной жизни и которые требовали от художника, сложившегося в иную эпоху, изменения всей творческой ориентации» (8, с. 100). Война с Турцией и в связи с ней официальная позиция

¹ Здесь Н. Н. Гусев цитирует один из первоначальных вариантов «Исповеди».

Церкви, проповедующей христианские заповеди, но фактически благословляющей на убийство, была для Толстого неприемлема. 22 мая 1878 года в дневнике он пишет: «Подо все в службе я могу подвести объяснение, меня удовлетворяющее. Но “многая лета” и одоление на врагов есть кощунство (Врагов у христианина нет). Христианин должен молиться за врагов, а не против их» (3, с. 70). Здесь мы еще не находим критики обрядов Церкви как таковой, а лишь несоответствие взглядов на войну, которая для Толстого всегда была преступлением. И благословлять христианина на преступление, на убийство, требовать клятву верности, что само по себе противоречит Евангелию — все это с точки зрения Льва Николаевича есть кощунство.

По дневниковым записям и записным книжкам периода 1878–1879 гг. видно, что Толстой был погружен в решение религиозно-нравственных проблем и художественным творчеством не занимался. Именно в это время им было написано большое количество теоретических статей. В этот период Толстой выводит религиозные постулаты исходя, в основном, из этических категорий и подходит к вопросам религии с точки зрения этики. Этика — часть философской системы, философия же, в свою очередь, есть область разума, следовательно, с помощью разума Толстой определяет понятие «религии — веры», причем объединяет их в одно целое; с другой стороны, Толстой ставит понятие веры гораздо выше понятия разум, которым она должна управлять как нравственная основа. Возможно, чрезмерное увлечение этическими категориями в решении религиозных вопросов было

следствием несостоятельности официальной Церкви дать определенные ответы на существующие проблемы. По этому поводу литературовед В. А. Жданов писал: «Попытки раствориться в иррациональных формулах, щедро предлагаемых церковью, не могли ослабить главного в душе писателя — критического взгляда на жизнь, стремления осмыслить события и сделать свой вывод» (9, с. 9). Вероятно, именно это привело Толстого в конце концов к отрицанию Церкви как государственного института.

27–28 января 1878 года Толстой, отвечая на письмо Н. Страхова об исканиях веры, писал следующее: «Я об этом начал писать и написал довольно много, но теперь оставил, увлекшись другими занятиями... Разум мне ничего не говорит и не может сказать на три вопроса, которые легко выразить одним: что я такое (...) Но я не один искал и ищу ответов на эти вопросы. Все жившее человечество в каждой душе мучимо было теми же вопросами и получало те же смутные ответы в своей душе (...). Ответы эти — религия (...)» (1, с. 732). В этот период Толстой читает Макса Мюллера, начинает интересоваться движением раскольников. 15 февраля 1877 года он писал: «Отцы мои были раскольниками... Опровержение. Я стану выше отцов, примирив» (3, с. 348). 17 декабря того же года он приводит три вывода о древних религиях, выписанный у Мюллера. Первый из них — «С молодю все религии чисты» (3, с. 349). Возможно, это натолкнуло Толстого на изучение истории религии, что в свою очередь привело к мысли о единстве в Церкви. Однако до мая 1878 года критики церковных обрядов у Толстого не встречается.